

УДК 94(470)

UDC

DOI: 10.17223/18572685/53/11

АВСТРО-ВЕНГЕРСКАЯ ИМПЕРИЯ, ГЕНЕЗИС НАЦИОНАЛЬНЫХ ДВИЖЕНИЙ И РУСИНСКИЙ ВОПРОС

С.В. Бирюков

Восточно-Китайский педагогический университет

КНР, 200062, г. Шанхай, ул. Чжуншань Бэй, 3663

E-mail: birs.07@mail.ru

Авторское резюме

Австрийская (с 1867 – Австро-Венгерская) империя, существовавшая с 1804 по 1918 г., являла собой государственное образование, соединявшее многие народы под властью дома Габсбургов. Заслуга исчезнувшей империи заключалась не только в осуществлении консолидации и модернизации подчиненных ей народов и территорий, но и в сдерживании распространения великогерманских проектов на земли исторического проживания славянских народов. При этом собственно имперская миссия предполагала сдерживание процесса складывания наций у населявших империю народов с сохранением иерархии этносословий. Автор показывает, как империя в процессе своего развития объективно способствовала формированию подчиненных ей народов различных типов национальных движений в зависимости от специфики развития ее конкретных национальных регионов. Исчерпав свою миссию, империя постепенно пришла к своему концу, после чего молодые славянские нации (включая подкарпатских русинов), сложившиеся в империи, получили возможность для развития в рамках различных государственных проектов. Русинское национальное движение, консолидировавшееся в середине XIX в. в условиях общеславянского подъема в рамках империи, не добилося политического закрепления статуса русинского народа и нации, что требует дальнейших поисков конструктивного решения русинского вопроса.

Ключевые слова: Австрийская империя, славяне, унификация, этносословия, национальные движения, нациестроительство, русинский вопрос.

THE AUSTRO-HUNGARIAN EMPIRE, THE GENESIS OF NATIONAL MOVEMENTS AND THE RUSINIAN QUESTION

С.В. Бирюков

East China Normal University
3663 Zhongshan Road (N), Shanghai, 200062, China
E-mail: birs.07@mail.ru

Abstract

The Austrian (from 1867 - Austro-Hungarian) Empire, which existed from 1804 to 1918, was a state formation that connected many nations under the rule of the House of Habsburg. The disappeared Empire not only consolidated and modernized its subordinate peoples and territories, but also managed to restrain the Great German projects on the Slavic peoples' ancestral territories. The Imperial mission proper was to curb the process of the nation-building of the peoples inhabiting the empire and to preserve the hierarchy of ethnoclasses. The author shows how the developing Empire contributed to different types of national movements in its subordinate peoples, depending on the specificity of national regions. Having fulfilled its mission, the Empire gradually came to its end, after which the young Slavic nations (including the Subcarpathian Rusins) could develop within various government projects. The Rusin National Movement, which consolidated in the middle of the 19th century during the all-Slavic rise within the Empire, failed to achieve political consolidation of the status of the Rusin people and Rusin nation, thus a constructive solution to the Rusin question requires a further search.

Keywords: Austrian Empire, the Slavs, unification, ethnoclasses, national movements, Nation-building, Rusin question.

Национальный вопрос и национально-государственное строительство – сложная и внутренне противоречивая область общественно-политических отношений, которая не допускает унификации политических практик и конъюнктурного подхода и не содержит универсальных политических рецептов, являющихся действенными и результативными вне зависимости от условий места и времени, а также опыта государственного строительства конкретных народов и стран.

Вплоть до сегодняшнего дня между собой конкурировали две

противоположные по смыслу модели нациестроительства: если в рамках модели политической нации этнические различия в рассматриваемых обществах не трактовались в качестве значимого политического фактора, то для модели культурной нации принадлежность к определенной национальной, языковой или религиозной общности признавалась решающей. В последнем случае нация понималась как «сообщество судьбы», лежащие в основе которого факторы «культурного самоопределения» – язык, культура и общее самосознание – сохраняли свою силу и значимость в течение десятилетий (Ridel 2003: 62–63). Шанс на сохранение единства многонациональной империи также связан с созданием собственной модели наднационального «сообщества судьбы»; при этом, в понимании Э. Ренана (Ренан 1902: 87–101), подобная империя неизбежно сталкивается с вызовом со стороны национальных движений, в рамках которых народы первоначально выдвигают требования в духе «культурного самоопределения» и уже на следующей стадии переходят к модели политической нации. Способна ли имперская модель адекватно ответить на этот вызов? Попытаемся ответить на поставленный вопрос на примере опыта Австрии, одним из ключевых факторов трансформации и распада которой явилась активность движений славянских и других народов, заявивших о себе в середине XIX в.

Тема статьи неразрывно связана с двумя значимыми датами – 170-летним юбилеем Первого славянского конгресса в Праге в 1848 г. и со столетием с момента распада Австро-Венгерской империи. В 1919 г. нас также ожидает 100-летний юбилей Парижской конференции и Сен-Жерменского договора, закрепивших результаты Первой мировой войны и определивших судьбу распавшейся к тому моменту Австро-Венгрии и связанных с ней народов. Указанный акт зафиксировал самоопределение славянских народов империи в форме двух славянских государств – Чехословакии и Югославии, судьба которых была весьма драматичной накануне и после начала Второй мировой войны, равно как не менее драматичной оказалась постимперская судьба русинского (карпаторусского) народа, волей судеб включенного в несколько последовательно сменявших друг друга государственных проектов. Тем самым вопрос об эффективных формах политического самоопределения славянских народов остается открытым и по сию пору, вызывая оживленные дискуссии (Корейба 2018).

В этом контексте изучение опыта Австрии (Австро-Венгрии) призвано ответить на вопрос о причинах возникновения и различий в характере национальных движений у славянских народов империи и о соотношениях моделей «культурной» и политической нации в

процессе политической эмансипации последних.

Австрийская (с 1868 – Австро-Венгерская) империя – уникальная империя с наднациональной (универсальной) повесткой и миссией, существовавшая с 1804 по 1918 г. и создавшая собственное пространство для самореализации (и последующего самоопределения) многих народов, включая славян, игравших во внутриимперской политике значимую роль. Население монархии Габсбургов включало в себя более полутора десятка этносоциальных общностей, проживавших на территории семнадцати административно-политических территорий, каждая из которых была уникальна своей историей, статусом и правами. Поданные монархии говорили на четырнадцати языках, исповедовали три мировые религии и принадлежали к нескольким конфессиям. Из 37 млн жителей империи в 1847 предреволюционном году 18 млн составляли славянские народы (чехи, словаки, поляки и др.), 7 млн – австрийские немцы, 5 млн – венгры (мадьяры). Около 7 млн приходилось на долю романских народов – итальянцев и румын. Равновесие в подобном многонациональном государстве могло быть обеспечено только за счет гибкой и взвешенной национальной политики, принимавшей во внимание интересы населяющих страну народов.

Следует признать, что, благодаря следованию определенной миссии, Австрия превратилась из пестрого конгломерата династических владений дома Габсбургов в сообщество народов (так и не установив итоговую границу, отделявшую имперскую организацию от собственно страны, а общеавстрийскую идентичность – от чувства национальной принадлежности у отдельных народов). Миссия Австрии в разные периоды была связана с противостоянием османской экспансии, с реализацией идеалов и принципов Просвещения, а позднее – со своеобразной протекцией в отношении подчиненных ей славянских народов от распространения на них проектов в духе «Срединной Европы» Фридриха Науманна (Naumann 1915: 1–18) и других германских экспансионистских планов.

При этом логика внутриимперского развития неизбежно предполагала противодействие любым проявлениям национализма и сдерживание процесса складывания политических наций у населявших империю народов. Таким образом, в рамках имперской системы австрийские немцы и германизированные выходцы из других народов несли на себе основное бремя по обеспечению единства Австрии (Яси 2011: 27–43). Последовательно формировавшаяся, начиная с эпохи правления Марии Терезии, германоязычная бюрократия и проводившаяся ею (при поддержке германоязычного же городского среднего класса) политика культурной унификации сдерживали процесс фор-

мирования национального самосознания у негерманских этносов, чему также способствовали существовавшие сословные перегородки. В то же время, постепенно перейдя к модели «либеральной империи», Австрия (позднее – Австро-Венгрия) создала предпосылки для национального разнообразия и национального развития и не стремилась к унификации (с неизбежной в этом случае культурной и политической ассимиляцией инонациональных групп) по образцу Германской империи, поскольку не имела для этого возможностей.

Как результат в истории империи чередовались политика модернизации и контрреформ, централизации и децентрализации, что до известного момента позволяло ей сохранять определенную устойчивость. Политика Габсбургов стимулировала активность населявших империю народов – как прямо, через расширявшие возможности для национального развития модернизационные реформы, так и косвенно – через консервативно-охранительные, сдерживавшие любые устремления к политической эмансипации подчиненных империи народов.

Так, еще в XVIII в. Габсбурги были реформаторской династией, но уже в XIX в. стали своеобразными «чемпионами по консерватизму». И главный парадокс развития империи состоял в том, что реформаторские начинания одних и тех же правителей Австрии могли одновременно как препятствовать эмансипации народов (и в том числе славянских меньшинств) в одном отношении, так и способствовать ей – в другом.

Например, упомянутая выше императрица Мария Терезия (1717–1780) не только создала имперскую бюрократию, но и сохранила привилегированный статус за Венгрией и ее магнатами (благодаря чему может считаться не только основательницей собственно империи, но и предшественницей австро-венгерского дуализма). В то же время учрежденная ею в рамках образовательной реформы система начальных школ на языках основных населявших империю народов способствовала закреплению национального разнообразия.

Наследовавший ей на троне приверженец «просвещенного абсолютизма» Иосиф II (1741–1790) стремился превратить империю в централизованное государство путем последовательной германизации ее провинций (что было неблагоприятно для ее народов); но при этом он отказался от короны венгерских монархов и признания привилегий венгерской аристократии, что выглядело очевидным умалением значимости «венгерского фактора» и де-факто ослабляло венгерское доминирование над славянами в пределах тогдашней Венгрии.

В то же время деспотизм Иосифа II имел ярко выраженный реформаторский характер: он разорвал союз с римско-католической

церковью (что повышало статус национальных и конфессиональных меньшинств империи) и провел аграрную реформу, сохранившую землю в руках крестьян (благодаря чему именно крестьянство и стало оплотом большей части возникших впоследствии национальных движений).

В свою очередь правивший страной в течение 68 лет император Франц Иосиф (1830–1916), после длительных колебаний и переговоров согласившийся в 1867 г. на уступки Венгрии и дуалистическую структуру монархии, породил масштабные надежды у славян империи (в итоге не оправдавшиеся). Платой за разочарование в этих надеждах стал отказ славянских народов и их лидеров поддерживать имперскую структуру в ситуации глубокого кризиса, вызванного Первой мировой войной.

В итоге, создав путем долговременных усилий самобытную модель относительно мирного и гармоничного существования весьма отличавшихся друг от друга народов, империя так и не нашла политическую формулу и метод, обеспечивавшие ей полноценное и устойчивое «единство во многообразии», т.е. не сумела обеспечить на длительное время устойчивый баланс интересов различных населявших ее этносов. Соотношение численности основных народов империи, культурные различия между ними, отмеченные венгерским исследователем О. Яси (Яси 2011), не позволяли построить этнополитическую систему сугубо централизованного характера и последовательно осуществлять из единого центра укрепляющие ее единство реформы.

Принимая во внимание это обстоятельство, австрийские монархия и бюрократия твердо придерживались идеи иерархии народов. В результате в рамках империи одни были «более равны, чем другие» (немцы, венгры, поляки в Восточной Галиции, итальянцы и, с определенными оговорками, хорваты), а другие (большая часть славян и румыны) находились в подчиненном статусе. Данное обстоятельство генерировало межэтнические противоречия и побуждало многие этносы бороться за расширение своих прав и повышение статуса в империи (Грот 1914: 3–7).

В стабильной ситуации Австро-Венгрия опиралась на имперские сословия и требовала к себе лояльности всех основных социальных классов. Ее опорой были бюрократия, служилая аристократия (связанная обязанностью нести государственную службу) и верхние слои германского городского среднего класса, в то время как славянам (за исключением поляков в Восточной Галиции) отводилась подчиненная роль, что не допускало их признания в качестве субъекта государственного строительства.

Следуя этой логике, империя приписывала своим народам определенные статусы. Австриец (австрийский немец) выступал как бюрократ, работавший на имперскую организацию и имевший централизаторскую и культуртреггерскую задачу, связанную с распространением просвещения на его инонациональное окружение. Венгр представлял собой мелкого дворянина (джентри), тогда как славянин (чех, словак, хорват, словенец, серб, русин) «типологически» воплощал в себе крестьянское сословие (когда условием вертикальной мобильности были германизация либо мадьяризация). При этом статус дворян и чиновничьего сословия гарантировался исключительно самой империей (прирожденное дворянство существовало лишь в Италии и Польше).

В случае же возникновения угрозы этой иерархической системе империя стремилась найти удобный для венского двора и своего самосохранения баланс национальных сил, действуя в соответствии со знаменитым принципом «разделяй и властвуй», т. е. делая уступки одним народам и обещая их другим. В периоды наивысшего напряжения имперская элита лавировала между национальными движениями, обеспечивая свое политическое выживание главным образом за счет интересов лояльных ей славянских народов (чехов, словаков, сербов, хорватов и подкарпатских русинов).

При этом даже собственно немецкий «субстрат» Австрии не являлся безусловным твердым основанием имперской модели. И если консервативное австро-немецкое чиновничество желало объединения с консервативными силами других германских государств (Романенко 2013: 190), то немецкий городской средний класс был в значительной своей части оппозиционен империи, желая более глубоких либеральных реформ, объединившись на просвещенно-реформаторской платформе с немцами из Германии, что ярко проявилось в период «весны народов» 1848 г. Немецкий политический национализм, таким образом, представлял угрозу для космополитической империи, и поэтому последняя вспоминала о своих немецких «корнях» лишь в случае реальной угрозы своему существованию.

Упомянутая выше «весна народов» 1848 г., вылившись в череду национальных революций (германской, венгерской, чешской и др.) и восстаний, в итоге вовлекла империю в период политических потрясений, в рамках которого охранительно-репрессивные меры сменялись относительными политическими уступками. Особое значение в контексте этих событий имело проведение в Праге во дворце Жофин Первого Всеславянского съезда, на котором впервые были публично заявлены идеи славянского единства и требования о восстановлении ущемленных прав славянских народов, включая тех из них, которые не находились к тому моменту под властью Австрии (поляков в Пруссии

и балканских славян) (Тулаев 2017: 77–78). На съезде столкнулись две политические позиции – умеренно-реформаторская (поддержка славянами идеи сохранения монархии Габсбургов в обмен на превращение Австрии в федерацию немцев, венгров и славян, которую поддерживал сам председатель съезда Франтишек Палацкий) и радикально-революционная (предполагавшая использовать события «весны народов» 1848 г. для революционного освобождения славян с последующим созданием «Всеславянской федерации»; ее придерживались М. Бакунин и поддерживавшие его тогда К. Либельт и Л. Штур). В результате был найден временный компромисс, призванный к объединению славян на общей платформе. Съезд принял «Манифест к народам Европы», главная идея которого – право на самоопределение народов, реализованное на практике после Первой мировой войны. И именно с трибуны Славянского съезда Палацкий призвал славян Австрии беречь империю как своего естественного защитника, предлагая им всемерно «содействовать обеспечению независимости, целостности и властному развитию Австрии» (Schulze, Paul 1994: 1157–1160), что способствовало спасению империи в ситуации масштабнейшего кризиса.

Параллельно с этим Палацкий обосновал идею превращения Австрии в союз народов (немцев, венгров и славян): «Мы, таким образом, предлагаем славянским народам империи, действуя в качестве членов народного союза, заключить защитный и наступательный союз и начать строить австрийскую монархию как союзное государство» (Geißler 1939: 595). Однако отсутствие единства между пришедшими на волне упомянутых событий народами империи, равно как и жесткое подавление революционных выступлений в разных ее частях, не позволили им заявить единую политическую платформу и повестку. Так, чехи хотели переговоров с Францем Иосифом и надеялись на «восстановление единства земель чешской короны». Народы, не имевшие своей государственности, враждовали с австрийцами и венграми и в то же время нередко находились в неприязненных отношениях друг с другом.

Как следствие, австро-венгерский дуализм (вместо федерализации империи), явившийся главным результатом масштабных политических трансформаций 1848–1867 гг. и плодом уступок умеренной части венгерской аристократии, стал разочарованием для лидеров славянских движений и многих народов, которые сменили прежнюю лояльность к империи на оппозиционную и критическую позицию. В итоге Палацкий, в свое время утверждавший, что «если бы Австрии не было, ее следовало придумать», узнав о введении дуализма, с глубоким сожалением констатировал: «Чехи жили до Австрии, проживут и

после нее». В свою очередь венгры, получив значительные политические привилегии, начали проводить жесткую политику мадьяризации, игнорируя требования подвластных им национальных меньшинств.

Именно австро-венгерские соглашения 1867 г. (так называемые *Ausgleich*) нарушили межэтничный баланс в империи и лишили ее значительной части поддержки славян, что способствовало ее последующим кризису и распаду. Славянские народы и представлявшие их интересы национальные движения не разрушали империю целенаправленно – они просто отказали ей в поддержке в кризисной ситуации, поскольку не связывали с ней больше свою историческую перспективу, выйдя таким образом из общеимперского «сообщества судьбы». Подобное равнодушие к судьбе империи Габсбургов, охватившее и австрийских немцев, предопределило неблагоприятный для нее финал. В конечном итоге именно Франтишек Палацкий, выдвинувший на упомянутом Славянском съезде 1848 г. проект глубокого переустройства империи, оказался более глубоким стратегом, нежели почитавшийся некоторыми славянскими деятелями император Франц Иосиф. Последний пренебрег интересами славян в ситуации политической «развилки» 1867 и 1914 гг., чем в значительной степени и предопределил последовавшее затем крушение имперского проекта.

Так или иначе, именно после 1848 г. империя столкнулась с несколькими видами национализма и национальных движений – упомянутым германским (пангерманистским) реформаторски-прогрессистским национализмом, консервативным национализмом мелкого дворянства в Венгрии и Польше, формирующимся национал-демократическим движением в Чехии и национализмом инновативных крестьянских наций у славянских народов.

На первоначальной, романтической стадии развития национальных движений народов империи устремления их лидеров были весьма различны и зачастую далеки от политической реальности. Так, немецкие националисты в Австрии желали актуализации наследия Священной Римской империи, венгерские – короны святого Штефана, чешские – короны святого Венцеслава, хорватские – восстановления средневекового Хорватского королевства (Taylor 1941: 112–117). Однако постепенно политический реализм взял верх, и программы национальных движений приобрели более прагматический характер, что породило целый ряд проектов переустройства империи на национальных началах, а затем и проектов национально-государственного самоопределения.

Следует признать, что самими особенностями политики по отношению к своим различным регионам и сословиям империя предопределила специфику возникших в этих регионах национальных

движений; данный тезис может служить известным дополнением к знаменитой гипотезе американского социолога Баррингтона Мура о связи между определенными типами социально-экономической модернизации и последующим политическим развитием обществ и стран (Moore 1966).

Так, сохранив привилегии за венгерским дворянством и особый статус Венгрии в империи по результатам компромисса 1867 г., с одновременным отказом от политической реформы и от введения на венгерских землях всеобщего избирательного права, Вена предопределила консервативный характер венгерского национального движения и собственно венгерского национализма, ставшего ключевым фактором политического развития страны вплоть до момента окончания Второй мировой войны. Подобным же образом сохранив доминирование польской знати в Галиции, империя также способствовала складыванию национального движения аналогичного типа в подчиненной ей части Польши.

Напротив, в Чехии (дворянство которой было фактически ликвидировано еще по результатам Тридцатилетней войны) вследствие активного индустриального развития Богемии и значительного научного и культурного потенциала Праги сформировались предпосылки для складывания сильного и влиятельного национально-демократического движения, признающего национальное многообразие страны и общедемократические принципы. Последние были положены в основу Чехословацкой Республики 1918–1938 гг., получившей в силу этого признание и поддержку европейских демократий (в отличие от Венгрии, понесшей масштабнейшие территориальные потери в результате заключения Трианонского договора в 1920 г.).

Процесс становления славянских национальных движений в Австрии в целом соответствовал общей логике политической эмансипации народов, ведя их от стадии «культурной нации» к превращению в политические нации с заявлением требований о политическом самоопределении.

В итоге славянские подданные империи из числа «нетитульных» и «непривилегированных народов», пережив подъем своих движений на рубеже XVIII–XIX вв., сравнительно быстро перешли от культуроцентричной и романтической стадии к созданию национальных движений с определенными политическими задачами. Предпосылки для этого «пробуждения» создали знаменитые славянские «будители» XVIII–XIX вв., – как чешские (Г. Добнер, Ф.М. Пельцль, Й. Добровский, Й. Юнгман, Ф. Палацкий, П. Й. Шафарик), так и карпаторусские (А. Духнович, А. Павлович, А. Добрянский, А. Митрак, И. Сильвай и др.).

На смену первоначальному романтическому (и ориентированному в основном на Россию) панславизму сравнительно быстро пришел тесно связанный с именем Ф. Палацкого австрославизм, связанный с идеей лояльности империи в обмен на ее переустройство на национальных (федеративных) началах. Поворотным пунктом стала общеевропейская «весна народов» 1848 г.

Славянские нации и выражавшие их интересы политические проекты, заявленные после 1848 г., были продуктом воображения писателей и других гуманитариев – представляемые в рамках этих проектов нации («воображаемые сообщества», в соответствии с принятым сегодня термином Б. Андерсон) первоначально существовали только в воображении этих идеологов (Андерсон 2001). Славянским и другим национальным интеллектуалам еще предстояло подтвердить свое право говорить от имени сложившихся народов, еще не консолидированных по политическому принципу.

Единственный шанс превратить такие замыслы в реальность заключался в адаптации этих созданных национально ориентированными интеллектуалами проектов к запросам крестьянских в своей основе славянских протонаций (хорватской, словацкой, словенской, карпаторусинской, галицко-украинской). Такие достижения городской цивилизации, как массовая печать и литература, были использованы идеологами славянских движений для того, чтобы нести свои идеи в крестьянскую среду. И особую роль в ретрансляции этих идей играли священнослужители, изначально враждебные разделяемой многими идеологии просвещения, связавшие интеллектуалов с широкими массами за пределами городов. В результате славянские движения трансформировались в значительную силу, которая была способна изменять политическое устройство империи вне зависимости от планов венского двора и бюрократии.

Единственная возможность империи сохранить себя в качестве «сообщества судьбы» для входящих в нее народов состояла в достижении нового политического консенсуса с учетом интересов всех проживавших национальностей с превращением их в полноценных субъектов государственной жизни. Однако, не найдя ответа на вызов со стороны национальных движений, исчерпав свою модернизационную и защитную (в отношении славян) миссию и превратившись в ситуации войны в сателлита кайзеровской Германии, империя закономерно пришла к своему распаду в 1918 г. Таким образом, Австро-Венгрия не смогла обойти в своем развитии три классических «ловушки», которых не избежала и распавшаяся практически одновременно с ней Российская империя: 1) не нашла баланса между необходимой унификацией и принципом этноконфессионального разнообразия;

2) не сумела трансформироваться из иерархически организованного сообщества элит в полноценный союз народов; 3) не справилась с общим запросом на более глубокую политическую и социально-экономическую модернизацию (которой препятствовали как застывшая сословно-иерархическая структура империи, так и глубокие различия между подчиненными ею национальными территориями).

Проекты в духе «Соединенных Штатов Австрии» (румынский деятель А. Попеску) (Geier 2009: 132), разделенного на национальные автономные области «союзного государства национальностей» или внетерриториальной национальной автономии (проект известного социал-демократа К. Реннера) были нереализуемы в отсутствие минимально необходимого консенсуса между венской имперской бюрократией и лидерами национальных движений. Время для глубокой автономизации либо федерализации было упущено, что и подтвердила попытка последнего австрийского императора Карла I о преобразовании империи в сообщество народов, предпринятая незадолго до отречения последнего от австрийского престола 1 ноября 1918 г.

Как представляется, условный шанс на сохранение единства Австрии состоял именно в своевременном принятии федеративной модели переустройства, предложенной в 1848 г. Ф. Палацким. Последняя в случае опоры на принципы множественной идентичности (общегосударственной, национальной, языковой, региональной) могла бы объединить в едином политическом пространстве различные народы, уже перешедшие к тому моменту от стадии «культурной нации» к модели политической нации. Однако для этого требовались существенное изменение политической «надстройки» империи и отказ от бюрократической и этносословной иерархии, к чему Габсбургская монархия была тогда, очевидно, не готова.

Кризис начала XX в. показал слабость традиционной общеавстрийской идентичности, которая разрушилась в ситуации подъема формировавшихся молодых наций. Соединение социального и национально-го факторов при отсутствии консолидирующей наднациональной идеи вели страну к распаду, который был ускорен из-за военного поражения 1918 г. В этой ситуации у народов распадавшейся империи существовал выбор между двумя возможными политическими стратегиями – социальной революцией и национализмом (Hobsbaum 1996: 153).

В то же время именно в политическом пространстве империи на базе национальных движений сформировались национально-политические проекты (венгерский, чехословацкий, отчасти польский, галичанско-украинский и собственно русинский), которые с разной степенью успешности были реализованы уже после распада

Австро-Венгрии в рамках новообразованных государств, заимствовавших некоторые элементы австрийского политического наследия. При этом судьба всех четырех образовавшихся из распавшейся империи национальных государств оказалась показательно драматичной, вылившись в полную либо частичную утрату суверенитета (Австрия и Чехословакия как жертвы оккупации со стороны Третьего рейха и послевоенная Венгрия в системе «ограниченного суверенитета» после событий осени 1956 г.), либо в территориальный распад вследствие не разрешенных межнациональных противоречий (Югославия в 1941 и 1990 гг. и вторая Чехословацкая Республика в 1993 г.). Как полагает уже цитировавшийся нами британский историк Австро-Венгрии А.Дж. Тэйлор, именно империя, отказавшись от реформы своего устройства, оставила ранее входившим в нее народам существенные проблемы, которые они так и не смогли разрешить в процессе национально-государственного развития: «Монархия не была решением (национального вопроса в Центральной Европе. – С.Б.); она являлась следствием скепсиса по отношению к возможности найти такое решение, из-за чего продлевалось существование... институтов, давно утративших моральную легитимность... Габсбурги оставили (своим) народам в наследство две проблемы: внутреннюю – проблему власти и внешнюю – проблему безопасности» (Taylor 1941: 272).

Одной из молодых славянских наций, предпосылки для консолидации которой сложились в рамках Австро-Венгрии, являются подкарпатские русины. С раннего Средневековья они проживали как автохтоны в долинах Карпат, являясь сложившейся национальностью (Суляк 2005: 50). Преобразовываться из этнокультурной общности в политическую нацию русины начали под влиянием событий 1848 г., когда произошла их первая встреча с исторической Россией (после перехода через Карпаты армии генерала И.Ф. Паскевича). Именно тогда усилилось русинское движение за национальную самобытность и автономизацию, что стало началом процесса перехода от стадии «культурной нации» к политическому самоопределению.

Именно в составе Австрии подкарпатские русины были вовлечены в процесс внутриимперской модернизации, интегрированы в сообщество славянских народов и вовлечены в общеславянский процесс складывания политических наций, обогатившись уникальным политическим опытом.

В то же время, представляя наименее развитый в социально-экономическом отношении регион Австро-Венгрии, русины относительно позже других славянских народов приступили к процессу нациестроительства и к моменту распада империи не имели необходимых

предпосылок для полноценного государственного самоопределения.

При этом связь с собственно австрийским проектом у русинов выражалась слабее, нежели у их соседей – украинцев-галичан (Миллер 1997: 76). Поскольку если для последних империя действительно может считаться «доброй бабушкой» (термин получившего признание в Германии украинского писателя из Галичины Юрия Андруховича), то у подкарпатских русинов и галицких русофилов существует память о Терезине и Талергофе, связанных с уничтожением их ориентированной на Москву интеллектуальной элиты и «обезглавливанием» карпаторусского и русофильского движений.

Русины Подкарпатя политически самоопределились как нация, согласно реализованному ими самоопределению и собственным законам, начиная с 26 декабря 1918 г., когда им была предоставлена автономия в составе Венгрии. Из этого процесса были исключены русины Воеводины в Сербии, переселенные туда за 250 лет до этого при императрице Марии-Терезии.

Русины прошли процесс нациогенеза относительно поздно по сравнению с другими народами империи и не имели возможности реализовать проект собственной государственности. Поэтому их политический статус и политическая субъектность в постимперский период были связаны с несколькими государственно-политическими проектами (венгерским, чешским, прорусским, проукраинским, прокоммунистическим), на которые ориентировались различные направления внутри русинского движения (прочешское, провенгерское, проукраинское). Обретя автономию в составе Венгерской Республики 26 декабря 1918 г. (под именем «Руськая Краина»), они были исключены из состава Венгрии после подавления Венгерской Советской Республики. Затем они реализовали свою автономию на территории Подкарпатской Руси (вкуче с признанием их самостоятельным народом) в рамках первой Чехословацкой Республики, а после упразднения суверенитета последней и провала ориентированного на Германию проекта «Карпатской Украины» А. Волошина в 1938 г. русины развивались как нация уже в рамках независимой Венгрии до момента окончания Второй мировой войны. Послевоенное политическое развитие – вхождение в состав УССР в качестве Закарпатской области – официально лишило подкарпатских русинов статуса нации и политического субъекта, и вопрос об их восстановлении был снова поставлен ими после распада СССР в 1991 г.

После Второй мировой войны в Карпатской Руси, точнее, в ее частях, отошедших к СССР, Польше и Чехословакии, была проведена административная унификация русинов с игнорированием их этнического своеобразия. В итоге русинская идентичность сохранялась

лишь на бытовом уровне и благодаря усилиям отдельных деятелей культуры. При этом многие русины, проживавшие вне Карпатской Руси, продолжили полноценную национальную жизнь под старыми этнонимами – русины, руснаки, карпатороссы.

Как представляется, подкарпатским русинам с учетом неоднозначности их судьбы в составе Австро-Венгрии нет смысла идеализировать этот период своей истории, с которым были связаны и определенные возможности для национального развития, и практики ассимиляции и даже геноцида. Следуя реалистическим установкам, они должны получить признание в качестве разделенного народа, более того – в качестве четвертого восточнославянского этноса, в силу самого своего происхождения относящегося к «миру Руси» (в широком смысле этого термина).

Полноценная институционализация Подкарпатской Руси в соответствии с международными рекомендациями и с воссозданием условий для всестороннего этнокультурного, политического и социально-экономического развития русинского народа могла бы стать конструктивным вариантом решения национальной проблемы в ситуации, когда стандартные решения в духе идей унитаризма и мультикультурализма уже не работают. И именно полноценная солидарность современного славянского движения в деле восстановления и защиты прав русинского народа должна стать тестом, призванным подтвердить дееспособность современных славянских государств и славянского движения в целом, чей потенциал востребован сегодня в ситуации кризиса институтов и механизмов Европейского союза.

ЛИТЕРАТУРА

- Андерсон 2001 – *Андерсон Б.* Воображаемые сообщества. М., 2001.
- Грот 1914 – *Грот К.Я.* Австро-Венгрия или Карпато-Дунайские земли в судьбах славянства и в русских исторических исследованиях. СПб., 1914.
- Корейба 2018 – *Корейба Я.* Русский миф о собственном величии: возможно ли единое славянское государство // Московский комсомолец. 2018. 16 февраля.
- Миллер 1997 – *Миллер А.И.* Внешний фактор в формировании национальной идентичности галицийских русинов // Австро-Венгрия: интеграционные процессы и национальная специфика. Москва, 1997.
- Ренан 1902 – *Ренан Э.* Что такое нация? // Ренан Э. Собрание сочинений: в 12 т. Т. 6. Киев, 1902.
- Романенко 2013 – *Романенко С.А.* Социалистическая революция в России и «национальная революция южного славянства» в Австро-Венгрии

1917–1918 гг. // Россия и славянство: диалог культур. Тверь, 2013.

Суляк 2005 – Суляк С.Г. Русины: этапы истории (часть 1) // Русин. 2005. № 1 (1).

Тулаев 2017 – Тулаев П.В. Первые славянофилы и их съезды. М., 2017.

Яси 2011 – Яси О. Распад Габсбургской монархии. М., 2011.

Geier 2009 – Geier W. Europabilder. Begriffe, Ideen, Projekte aus 2500 Jahren. Wien, 2009.

Geißler 1939 – Geißler G. (Hrsg.): Europäische Dokumente aus fünf Jahrhunderten. Leipzig, 1939.

Hobsbaum 1996 – Hobsbaum E. Nationen und Nationalismus: Mythos und Realität seit 1780. München, 1996.

Moor 1966 – Moor B. Social Origins of Dictatorship and Democracy: Lord and Peasant in the Making of the Modern World. Boston, 1966.

Naumann 1915 – Naumann F. Mitteleuropa. Berlin, 1915.

Ridel 2003 – Ridel S. Politisierung von Ethnizität in Transformationsgesellschaften // Welttrends. 2003. № 11.

Schulze, Paul 1994 – Schulze H., Paul I. (Hrsg.) Europäische Geschichte. Quellen und Materialien. München, 1994.

Taylor 1941 – Taylor A.J.P. The Habsburg Monarchy, 1809–1918: A History of the Austrian Empire and Austria-Hungary. Oxford, 1941.

REFERENCES

Anderson, B. (2001) *Voobrazhayemye soobshchestva* [Imagined Communities]. Translated from English by V. Nikolaev. Moscow: Kanon-Press.

Grot, K.Ya. (1914) *Avstro-Vengriya ili Karpato-Dunayskiye zemli v sud'bach slavyanstva i v russkikh istoricheskikh issledovaniyakh* [Austria-Hungary or the Carpathian-Danube lands in the fate of the Slavs and in Russian historical studies]. St. Petersburg: I.N. Kushnerev i K°.

Korejba, J. (2018) Russkiy mif o sobstvennom velichii: vozmozhno li yedinoe slavyanskoye gosudarstvo [The Russian myth of their own greatness: is a unified Slavic state possible?]. *Moskovskiy komsomolets*. 16th February.

Miller, A.I. (1997) Vneshniy faktor v formirovani natsional'noy identichnosti galitsiyskikh rusinov [An external factor in the formation of national identity of Galician Rusins]. In: Khvanova, O.B. (ed.) *Avstro-Vengriya: integratsionnyye protsessy i natsional'naya spetsifika* [Austria-Hungary: integration processes and national specificity]. Moscow: Institute of Slavic and Balkan Studies.

Renan, J.E. (1902) *Sobraniye sochineniy: v 12 t.* [Collected Works in 12 vols]. Vol. 6. Kiev: [s.n.].

Romanenko, S.A. (2013) Sotsialisticheskaya revolyutsiya v Rossii i "natsional'naya revolyutsiya yuzhnogo slavyanstva" v Avstro-Vengrii 1917–1918

gg. [The socialist revolution in Russia and “the national revolution of the southern Slavs” in Austria-Hungary in 1917–1918]. In: *Rossya i Slavyane: dialog kultur* [Russia and the Slavs: the dialogue of cultures]. Tver: Alfa-Press.

Sulyak, S.G. (2005). Rusins: etapy istorii (chast 1) [Rusiny: etapy istorii (chast' 1)]. *Rusin*. 1(1). pp. 49–60.

Tulayev, P.V. (2017) *Pervyye slavyanofily i ikh s"yezdy* [The First Slavophiles and Their Congresses]. Moscow: Slava.

Jászai, O. (2011) *Raspad Gabsburgskoi monarchii* [The Collapse of the Habsburg Monarchy]. Moscow: Tri kvadrata.

Geier, W. (2009). *Europabilder. Begriffe, Ideen, Projekte aus 2500 Jahren* [The Europe Images. Terms, Ideas, Projects for 2500 years]. Vienna: Promedia.

Geissler, G. (ed.) (1939) *Europäische Dokumente aus fünf Jahrhunderten* [European documents from five centuries]. Leipzig: Esche Verlag.

Hobsbaum, E. (1996) *Nationen und Nationalismus: Mythos und Realität seit 1780* [Nations and nationalism: myth and reality since 1780]. Munich: Campus Verlag.

Moor, B. (1966) *Social Origins of Dictatorship and Democracy: Lord and Peasant in the Making of the Modern World*. Boston: Beacon Press.

Naumann, F. (1915) *Mitteleuropa* [Central Europe]. Berlin: [s.n.].

Ridel, S. (2003) Politisierung von Ethnizitaet in Transformationsgesellschaften [Politicization of ethnicity in transformation societies]. *Welttrends*. 11.

Schulze, H., Paul, I. (eds) (1994) *Europäische Geschichte. Quellen und Materialien* [The European History. Sources and materials]. Munich: Bayerischer Schulbuch.

Taylor, A.J.P. (1941) *The Habsburg Monarchy, 1809-1918: a History of the Austrian Empire and Austria-Hungary*. Oxford: Fellow of Magdalen College.

Бирюков Сергей Владимирович – доктор политических наук, профессор, старший научный сотрудник Центра изучения России Восточно-Китайского педагогического университета (Шанхай, КНР).

Sergey V. Biryukov – Centre for Russian Studies, East China Normal University (China).

E-mail: birs.07@mail.ru